

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ.

Объявленія за строку петита или заним. ею мѣсто: въ Латвіи въ текстѣ 1 л. 50 сент., позади текста 38 сент., не нозящ. торгов. характера до 15 стр. — 29 сент., предлож. и спросъ труда 10 сент., включая городск. налогъ. Для заграницы 8 англ. пенсовъ за строку

Редакція **Rīgā, Dzirnau ielā 57.**
Тел. ред. — 21219, гор. хрон. — 21733
и 21334, вичная редакція — 21334.

Главная контора и экспедиція: **Rīga, Dzirnau ielā 57.** Тел. конторы 21030
телеф. рекламнаго отѣла 21225

СЕГОДНЯ

18-й г. изд.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

№ 283

Вторникъ,
13 октября 1936 г.

Цѣна номера въ Латвіи 12 сент.
Въ Литвѣ за оба изд. 50 пент. Подписная
плата на „Сегодня“ въ мѣсяцъ за
7 номер. въ нелѣлю въ Латвіи 3 л. 75 сент.,
за границей 6 англ. шил. и 6 пент. (6,5 англ.
шил.). Подп. плата на „Сегодня“ и
„Сегодня Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.)
въ Латвіи л. 6.— загр. 10 англ. шил.

Чеховы оказывали опаздал на Горького, промаловало влияние. Горький хотел слышать и получать чеховские события. Началось кхк перешло относиться ко концу 90-х годов. Уже тогда слава, значение и литературный опыт Чехова стояли на большой и завышенной высоте. Это были первые молодых протестов и молодых сомнений Горького. Мучили «проникательные» вопросы. Даже назначение и роль литературы его смущали, тревожили, вызвали его протесты. Д-ру Стреллино он писал: «Литература — для кого литература? Чуть бы ее вывалила литература, выучишь литераторов и с обычными ся читателями и почитателями... ибо я «поисмываю, он почитатель» — ну-с и что же?» Тут же сознается: «Я, однако, люблю литературу и даже — жить без нее не могу, я барышня без конфет»...

Отдавшись своим проповедническим
целям, он пострадал. О «Дядя Ваня» Горь-
кий пишет: «страшно и тоскливо». В Че-
ховом он был настоящим образом влюб-
лен. Это была любовь и восхищение че-
ловеческим и творческим. Горький писал
Чехову: «Человек удивительный. Разра-
жался и проливал: «Я берусь разгадать
всех его худшие разумы. Творческие
цифлы искусства — просто плесень.
Чтобы понимать Чехова, надо быть, по
меньшей мере, порядочным человеком...»
У меня тогда были статьи о Чехове, и
я часто обращался в ней с просьбой
как с китайцем. Люблю бы по морю
поблужать.

Тогда это было величайшей милой. Никогда об этом говорили так: сафранистый буржуа. Уражались на этого по-принципу Горький, но отставал и его приятель Скаталев (Петров). В своих стихах он объяснял, что «я ненавижу глупо, страстно всех вас, вы — жабы в пилотом болоте». На благотворительном концерте в Москве Скаталев продекламировал свое стихотворение, крича, упрекая и грозя: «Мой Бог — не ваш Бог. Ваш Бог прощенья. А

*) Литературный архив. М. Горький. Материалы и исследования. Т. II. Изд. Академии Наук СССР. М. 1936.

Петербурга Горький не любил. Объяснял: «Там солнце бывает три раза в году, а женщины всё читают экономических книг и, в всякое подобие женское утратили — без солнца и женщин живых человеку жить невозможно».

Въ другихъ мѣстахъ: «Небо тамъ страдало великой, люди — самонавѣишемъ, а диктаторы и тѣмъ и другимъ вѣдѣть. Сюда же тамъ диктаторовъ? Я думаю тысячъ 50. Остальные люди — или министры, или чиновны. Въ женщины — врачи, курьезны и вообще ученые. Когда петербургскую женщину угнетаетъ мука, то она, мука, точно же умираетъ отъ скуки». Петербургъ для него — «противный городъ».

Прочитав чеховскую «Даму с собачкой». Она на его произвела громадное впечатление. Чехов своими произведениями, по мнению Горького, «убивал» реализма», но «никто не может писать так просто о таких простых вещах, как эти вы убьете. После самого незначительного вашего рассказа, все кажется грубым, написанным не пером, а точно похлываешь».

Как бы ни был Горючий дурак, «соби на уме», — его отличала одна хорошая черта. Он мог сунуться по чужим делам, алакан, хитроумно, беснованно, устроить беду, спастись. Поэтому попадали иногда в такое положение — если не в худшее, то в неприятное. Как-то узнали о присутствии Кавказ Гресь историю ея жителя. Уговорили се написать свою автобиографию печатать этот рассказ в газете. «Соборный Курьер» со своим издательством и редакцией.

Приняла жеяшину у себя. Она была чѣм-то вродѣ няньки, — работающая женщина, но истеричка. Вдруг стала, къ ужасу Горькаго, распускать слухи, что она съ ней живетъ.

Потом они оба занялись контрабандой. Чехова сд. издателями «Нивы», А. Маркс сд. Ем. Чехов продает полное собрание своих сочинений за 75.000 рублей. Кроме того, все произведения Чехова, написанные после заключения договора, поступали так: часть в собственность Маркса, а за остальную часть, переданную другому издательству. Чехов должен был платить авторскому 4000 рублей в год. Пошло в 1904 г. Чехов стал давать больше Чехова. Его литературные друзья составили письмо к Марксу, а в нем предлагали расторгнуть договор с Чеховым. Действительно, уже в первый год издания Маркс в в. несколько раз покрыл сумму, уплаченную Чехову. Письмо составляли Горький и Ле-

Когда этот договор был только что подписан, Горький заводилась: «это грабниж», Антонов: «неграбниж», а Зинаидо: «непредлагать разорвать контракт, возмездить денги и отдать свои произведениа «Знаиуж». По этому плану Чехов должен быт получить всю прибыль, оставается полным хозяйном своих книг. Но 75.000 были уже получены и прожиты. Чехов отказывал от волага издательства. Горький его успокаивал и обещался: «всё тычащ я сделаю, это упрямое биле не так же желание не дать ниму работать».

Большое место в этой книге занимают

письма Вяч. Бункина к Горькому. Эта переписка охватывает период с 1904 по 1917 г. Горький дивился Бункину высоко. Ставил его в ряд с крупнейшими художниками XIX века, утверждал: «Читательской техники, я называю: «учительской» — Погодина, — Чехова, Тургенева, как ты и прибавил бы и Бункина, Чехова, Пришвина». Эстетическая объективность и неторопливая холодность Бункина против Горькому: ох сердишься «на Бункина, которого люблю, но не понимаю, как талант свой красненький, как матовое серебро, ох не ототчисть ты noch и не ткнешь ни кула нало». По случаю 25-летия литературной деятельности Бункина, в 1912 г. — Горький писал ему: «Вашему сердцу, Вячеслав, очень трудно не только думать, но и чувствовать — оно возмужало, стоскуясь всех стран и всех времен, — великую творческую тоску о счастье, — которое движет миръ все вперед». И дальше: «И проза Бункина и стихи с одинаковой красотой и силой, раздвигали перед русским человеком границы однообразного бытия, щедро одаряя его сокровищами мировой литературы, прекрасными картинами чужих стран, славявша военно русскую литературу с общечеловеческой на земле». Много раз повторял Бункину, научай его, прислушиваться к его литературному голосу.

Но их отношения друг к другу были не близки, не являлись, совсем непохожими. Напр., на дружбу Горького с Леонидом Андреевым. И Бунин подходил к Горькому только как художнику, циник эстетически, отдавая должную дань только его художественному мастерству. Идею, политически они совсем расходились. Когда вышла «Пенсия» Горького, Бунин писал: «Разучусь, что пострадала «кладовая тучная земля», — пусть она еще гнет палы пострадать».

Миролюбов был оригинальной и интересной фигурой. Прежде он был пианом в Большом московском театре. Угрюмый человек, большого роста, с густокаштановыми волосами. Миролюбов мог удивлять своими редакторскими решениями. Помню, как однажды, зайдя в редакцию этого «Журнала для всех», я услышал его секретаря, Анаст. Ник. Чеботаревну, впоследствии жены Федора Сологуба, радостное извеще: в «Журнал для всех» прислала свою вещь Левь Толстой. Вот

ни стали ждать его появления.

— Но проходили месяц за месяцем, а в «**Юмориста для всех**» не было никакого японца. Это казалось страшным. Вдруг, чуть ли не через полгода, узнаем, что Мировлобов возвратил Толстому его рукописи. В чем же дело? По у него всегда было одно и то же объяснение: «Это не подходит нашему читателю». По этим же соображениям Мировлобов вернуть Леониду Андрееву его рассказы «Воры» — впоследствии его начекало за свои «сборники» «Знаете». Возвратил Мировлобов и Кулирину его повесть «Съ улични». Она появилась потом в пятидесят гур-она «Современный Мир».

Вспомнил Мировлобов и моего рассказка «Взлетел самолет». Он признал впоследствии Леониду Андрееву для «Курьера», но он был редактором безразличия, и не стал.

[illegible]

Во многом этому тоже так много всяких литературных материалов, писем, справок, признаний... что только на основании их можно было бы создать законченную большую картину литературной жизни тех лет. Скорее, сущность, пражименное холодной справедливостью жить, многое атакует в помощь с'б'т. гибнет, упущено, и навсегда останется то, что принадлежало безпристрастной литературной истории. Она не обманывает, она не ошибается.

ПЕТР КИЛЬСКИЙ.